

Российская наука в годы испытаний

А. Е. ИВАНОВ

РОССИЙСКОЕ «УЧЕНОЕ СОСЛОВИЕ» В ГОДЫ «ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности)

В отечественной историографии эта тема не является абсолютно белым пятном. Отдельные ее фрагменты и факты заключены в трудах по истории высших учебных заведений. Однако опубликованный материал не складывается в целостную картину и не дает многостороннего представления о том глубоком отзвуке, который Первая мировая война, воспринимаемая российским обществом как война Отечественная, получила в среде профессоров и преподавателей российской высшей школы.

Это обстоятельство поставило автора перед необходимостью выявления в архивах и библиотеках достаточно широкого круга специфических источников. Это документы официального делопроизводства — протоколы заседаний советов профессоров, отчеты высших учебных заведений, переписка последних с министерствами, общественными организациями, занимавшимися вопросами боеснабжения действующей армии и ее тыловых частей, оборонными предприятиями и пр. В них заключена основная информация о роли профессорско-преподавательского корпуса высшей школы в поддержании научно-технического и идеологического потенциала воюющей России, а также и о том, как эта оборонная работа отражалась на жизнедеятельности высших учебных заведений.

Важным источником для исследования темы отношения ученого сословия к войне, к проблеме послевоенного будущего России являются научно-публицистические статьи профессоров и преподавателей в периодической печати 1914–1917 гг.

Автор отдавал себе отчет в том, что в одной статье нереально охватить огромный материал темы. Поэтому исследование осуществлено преимущественно на фактах из истории высших учебных заведений Москвы, Петербурга, а также Казани как крупного провинциального центра науки и высшего образования. И лишь отдельными штрихами проиллюстрирована оборонная инициатива профессуры Киева, Харькова, Саратова, Томска. Думается, такое сочетание фактического материала позволяет достаточно конкретно осветить общее и особенное в отношении научной интеллигенции российских столиц и провинции к проблеме победы и поражения России в Первой мировой войне.

К 1914 г. профессорско-преподавательский корпус российской высшей школы насчитывал всего около 5 тыс. человек [1, с. 208]. Но этой компактной профессиональной группе интеллигенции принадлежала весьма заметная, далеко не адекватная ее малочисленности, роль в социально-экономической, общественно-политической, культурной жизни страны. Профессора и преподаватели представляли цвет отечественной науки, значение которой неизмеримо возросло в эпоху, когда экономика России восходила к высотам капиталистического развития. Все большую общественную ценность приобретал и труд подготовленных ими дипломированных специалистов — через них достижения науки проникали в толщу российской жизни.

Заметную роль деятели науки и высшего образования играли на авансцене общественно-политической жизни России. Доминировали в этой среде буржуазно-либеральные унастроения различных оттенков: главным образом — кадетские, в меньшей степени — октябристские и мирнообновленческие. Профессорско-преподавательский состав имел немногочисленный, но сплоченный, временами весьма дееспособный, консервативный и даже черносотенный фланг. Партийная принадлежность (прямая или косвенная) существенно воздействовала на отношение профессуры к проблеме поддержки царского правительства в годы Первой мировой войны.

Война кардинально изменила весь строй взаимоотношений внутри преподавательского корпуса российской высшей школы. Весть о начале военных действий профессурой была встречена всплеском патриотизма, который одномоментно сплотил в общем порыве либералов, консерваторов, крайне правых, еще накануне находившихся в состоянии межпартийной и академической вражды. Эта первая реакция решительно отличалась от той, которую академическая общественность продемонстрировала десять лет назад, в связи с правительственным сообщением о войне с Японией (см. [2; 3]). Вот что по этому поводу говорил на торжественном актовом заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г. академик В. М. Бехтерев: «Еще так недавно, в период русско-японской войны, мы были свидетелями, как многими из общественных кругов выносились резолюции против ведения войны в пользу скорейшего заключения мира, мира во что бы то ни стало, хотя бы даже с ущербом для интересов и достоинства России. Ныне мы видим совсем другую картину. Общий клич "довести войну до победного конца" звучал почти во всех общественных организациях и съездах России... В пользу того же высказывались даже такие представители общественной мысли, как известный Плеханов. Исключение составляли лишь т. н. "пораженцы" [4, с. 6].

В чем причины такого несоответствия? Наиглавнейшая из них — общественно-политическая. В 1904 г. в России сложилась революционная ситуация. Авантюризм вооруженного столкновения на Дальнем Востоке за клочок земли на чужой, бесконечно далекой, территории был столь очевиден, что только усилил общественное озлобление против самодержавия. Не исключением было и либеральное большинство профессуры. Война с Японией обнаружила экономическую и политическую отсталость России в отличие от своего противника, которого еще недавно российское общество воспринимало с демонстративным превосходством.

Первая мировая война началась в иной общественно-политической ситуации. Российское общество только оправлялось от послереволюционной политической реакции. Новый общественный подъем набирал силу и еще не перерос в революционную ситуацию. За годы, истекшие после первой российской революции, произошло рекордно быстрое развитие капиталистической экономики, а следовательно, еще более укрепились корни буржуазной идеологии в среде интеллигенции, включая и профессорско-преподавательскую корпорацию. Это безусловно укрепило ее патриотическую позицию.

В отличие от русско-японской, новая война началась в пределах Российской Империи. Она была столь масштабна, что очень скоро беспощадно ворвалась в жизнь каждого российского подданного. Это вызвало естественную защитную реакцию. В обществе возгорелись патриотические настроения, нередко окрашенные в верноподданнически-шовинистические тона. Ими было охвачено и ученое сословие. Профессорско-преподавательские коллегии озаменовали начало войны с Германией демонстрацией своего единения с царем в его намерении воевать до победного конца. В адресе на имя Николая II от 29 июля 1914 г. Совет профессоров

Петроградского университета заверил, что он горит «одинаковым» с царем и его народом стремлением посвятить все свои силы служению «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства» [5, с. 75].

Примечательно по существу зеркальное сходство этого адреса с теми, что были направлены профессорскими коллегиями императору в январе – феврале 1904 г. Сходство, однако, было в значительной степени лишь текстуальным. Это становится очевидным, если вникнуть в существо социальных настроений, владевших теми, от чьего лица патриотические адреса исходили. Содержание «патриотических» посланий Николаю II, инспирированных открытием русско-японской кампании, адекватно соответствовало «верноподданническим чувствам» только консервативного меньшинства профессорско-преподавательского корпуса. А либеральное большинство свою причастность к демонстрации «казенного патриотизма» цинично расценивало как малопочтенную служебную неизбежность. Ведь ни один член совета, например Московского университета, не отмежевался публично от телеграммы Николаю II (31 января 1904 г.) с выражением «верноподданнических чувств и беззаветной готовности на всякие жертвы, какие могли бы быть потребованы державной волей»* [6, л. 4]. Между тем в тиши своих кабинетов члены этого совета излили на бумаге иные, подлинные чувства, владевшие ими при получении известия о начале дальневосточной авантюры. «...Будущее мрачно. Война, начатая преступно и с невероятным легкомыслием ("не подготовились" — и это смеет говорить правительство какой-нибудь страны!) ... грозит сложнейшими последствиями для страны», — писал В. И. Вернадский 12 февраля 1904 г. Я. В. Самойлову [8, с. 199–200].

7 апреля 1904 г. В. О. Ключевский набрасывает на страничке своего дневника: «После Крымской войны р/усское/ правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и р/усская/ интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится; теперь в японскую войну р/усский/ народ начинает понимать, что и его правительство, и его интеллигенция никуда не годятся» [9, с. 288].

В среде академических либералов той поры преобладали так называемые «добросовестные патриоты». Они не одобряли дальневосточную авантюру самодержавия, но хотели его укрепления в результате «легкой» победы, но войну воспринимали как зло, которого не удалось избежать, и искренне не желали поражения России, но не самодержавию. Продолжая оппозиционные демарши, они намеревались в условиях войны вырвать у царя конституционные и академические уступки, одновременно полагаясь на его добрую волю и надеясь, что он должным образом оценит их патриотизм. Были в профессорско-преподавательской среде и те, кто стоял на антимилитаристской позиции, но таковых были единицы [3, с. 98–102].

Совершенно иные социальные чувства овладели профессурой с началом первой мировой войны. Они определялись безоговорочной поддержкой правительственного лозунга, разделяемого либералами и консерваторами: «Война до победного конца!». Тем самым нивелировалось партийное разногласие в профессорско-преподавательском корпусе**. Либералы приостановили оппозиционную дея-

* П. Б. Струве, прекрасно информированный в вопросах академического быта, писал: «...Политически сознательные профессора в таких случаях или отсутствуют, или безмолвно подписываются под протоколом заседания, заключавшим в себе заявление, которое они в душе признают лишь плачевным выражением политического недомыслия и холопства» [7].

** В 1914 г. подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава разделяло либерально-буржуазные умонастроения разных оттенков (кадетские, мирнообновленческие, октябристские). Меньшинство же стояло на промонархических позициях, порой черносотенного окраса.

тельность в Государственной думе и Государственном совете. Отложив в сторону внутрикорпоративные противоречия с «правыми», разоженные министром просвещения Л. А. Кассо до крайних пределов, они дружно включились в научно-техническое и идеологическое обеспечение имперской военной машины.

В академических кругах получил хождение тезис о неизбежности разразившейся войны. Вот как его формулировал, например, В. М. Бехтерев: «Мирное развитие общечеловеческой культуры и прогресса всегда предпочтительнее насильственного разрешения мировых вопросов путем войны. Но как революция в известных условиях наступает неизбежно, как бы роковым образом, так и война при определенных международных взаимоотношениях столь же неизбежна» [4, с. 20]. Вина за неблагоприятное развитие международных отношений, приведших к военному столкновению держав, возлагалась целиком и полностью на Германию, ее правительство и императора Вильгельма II персонально. При этом широкую известность приобрело предположение о клиническом безумии последнего. Данное суждение было опровергнуто В. М. Бехтеревым, который, напротив, в действиях кайзера не нашел «никакого нарушения в отношении личности»: «Он лицо, в котором как в фокусе двояковыпуклой чечевицы (увеличительное стекло. — А. И.) собираются лучи германского милитаризма»* [10, с. 7].

Патриотизм профессуры, особенно в первые месяцы после начала войны, нередко приобретал остродемонстративные формы. 1 сентября 1914 г. профессор Петроградского университета А. С. Догель в порицание зверских поступков «варваров XX в. — германцев» против культуры (разрушение Лувенского университета в Бельгии) призвал своих коллег не печатать научных трудов на немецком языке и в немецких изданиях, а также отказаться «от поддержки германской промышленности» и впредь не закупать в Германии научные приборы и реактивы, которые ежегодно обходились России в сотни тысяч рублей. Он считал, что настал благоприятный момент освобождения от «заботливо в течение целых столетий опекающих нас германцев» [5, с. 78]. Догель также поставил вопрос об исключении из состава почетных членов тех немецких ученых, которые «позорят и унижают науку» [5, с. 79–80].

В конечном счете совет постановил, что отношение к предложениям профессора А. С. Догеля — дело «совести каждого», и свернул их обсуждение. Однако шовинистический угар, охвативший широкие круги российской интеллигенции, постепенно освобождал профессуру от последних сомнений в необходимости разрыва международных связей с учеными Германии и ее союзников. 24 ноября 1914 г., после долгих и оживленных дискуссий, профессорская коллегия Петербургского университета исключила из числа своих почетных членов профессора Берлинского университета фон Листа. Это решение было принято на основании законодательного постановления Совета министров от 31 октября 1914 г. об исключении из состава научных учреждений и высших учебных заведений всех германских подданных [12, л. 25]. Это вызвало цепную реакцию. Высшая школа России отторгла всех представителей германской науки. Из состава почетных членов только одного Московского университета и состоявших при нем научных обществ были исключены около 70 подданных Германии** [12, л. 13–29].

* Вместе с тем Бехтерев находил достаточно много косвенных данных, свидетельствующих о неполном психическом здоровье Вильгельма II, у которого были «периоды возбуждения и бредовый характер заявлений, свойственные не только душевно больным, но и так называемым дегенератам „неронового типа“» [10, с. 41]. Подробно о книге Бехтерева см. [11].

** Подсчет автора.

Совет профессоров Казанского университета единогласно отменил празднование 100-летнего юбилея и отложил подготовку дипломов почетных членов лицам германского и австрийского подданства [13, л. 161 об.].

Патриотическая эйфория на первых порах лишила профессуру способности реально оценивать военную обстановку. Так, в постановлении совета Казанского университета от 28 июля 1914 г. выражалась надежда, что война может закончиться с победой России к 1 сентября [13, л. 146].

Волна антигерманских настроений, захлестнувшая ученый корпус России, натолкнулась на встречную шовинистическую волну, поднятую академическими кругами Германии. Гребнем этой волны стало воззвание 93 крупнейших немецких ученых, озаглавленное «К культурному миру». Его авторы, страстно опровергая обвинения в нарушении нейтралитета Бельгии, в преднамеренном артиллерийском обстреле города Лувен и его университета, утверждали, что это всего лишь «акт возмездия» коварным бельгийцам, нападающим «из-за угла» на немецких солдат. Воюющие против Германии государства объявлялись злейшими врагами немецкой культуры, а «германский милитаризм» — ее защитником. «Без нашего милитаризма, — писали авторы воззвания, — немецкая культура была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее недр... Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски соединяет ныне 70 млн немцев без различия уровня образования, сословий и партий»* [14, л. 5об.].

Обвинительный меморандум 93 немецких ученых еще более подогрел германофобию российской профессуры. «Ответ» им от имени профессорско-преподавательского состава высшей школы России был составлен советом Петроградского университета**. Фактически он представлял собой широковещательный манифест, в котором излагалось отношение к войне с Германией профессуры разной политической ориентации — от либеральной до черносотенной. Главным его тезисом было осуждение Германии в нарушении мира «в целях утверждения своей политической, военной и экономической гегемонии в Европе». Немецкой нации предъявлялось обвинение в жестокостях не только к бельгийцам, но и к сотням тысяч русских, оказавшихся за границей. Российские профессора порицали своих недавних немецких коллег за оправдание милитаризма — этого врага не только европейской, но и германской культуры, поскольку он «успел уже оказать свое губительное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты, — стал сменяться с некоторых пор культом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм»*** [16, л. 11].

Иступление шовинизма не коснулось лишь очень немногих деятелей науки. Среди таковых был И. П. Павлов, считавший войну «звериным способом решения жизненных трудностей» [18, с. 1]. Созвучную мысль высказал К. А. Тимирязев: «Война имела, имеет и может иметь только два результата: у победителей... заво-

* Тлетворное влияние шовинизма захватило и умы профессоров Венского университета. Один из его русских студентов М. Хохлов вспоминал в 1915 г.: «Мне однажды пришлось быть свидетелем, как весьма далекий от национализма профессор анатомии Тандлер очень любезно беседовал с двумя русскими студентами, вероятно, по именам принимая их за сербов, но, когда узнал, что они из России, он, недолго думая, грубо указал им на дверь» [15, с. 201].

** Первоначально текст «Ответа» предполагалось направить в высшие учебные заведения Петрограда и Москвы с тем, чтобы подписанные профессорскими коллегиями экземпляры были возвращены ректору Петроградского университета Э. Д. Гримму. Однако он получил хождение и в других центрах высшего образования, например в Киеве.

*** Аналогичный по содержанию «Ответ» немецким ученым отправил Совет профессоров Казанского университета [17, л. 67].

евания вызывают жадность к новым завоеваниям, вырождающуюся в манию всемирного владычества, а у побежденных растет сдавленная и тем более могучая злоба, воплощающаяся в давно знакомом слове „revanche“». Он ставил войну в прямую связь с капитализмом, когда писал: «Нет, войны войной не уничтожают. Ни милитаризмом, ни маринизмом* не уничтожают милитаризма и маринизма. Синдикат капиталистов... может раздавить капиталиста, но не уничтожить зло капитализма, так же и с синдикатом милитаристов...» [19, с. 373].

Профессор-зоолог В. М. Шимкевич был единственным членом совета Петербургского университета, который бескомпромиссно выступил против призывов своего коллеги Догеля к разрыву научных связей с германскими учеными. Чтобы «мансипироваться от немецких научных журналов, можно только открыть свои», — утверждал он. Невозможным считал Шимкевич и отказ от закупки научного оборудования и реактивов из воюющих с Россией держав, утверждая, например, что столь нужные больным соли радия могут быть получены только из Австро-Венгрии.

Безуспешно Шимкевич пытался предупредить и скоропалительный шаг своих коллег — исключение из числа почетных членов Петербургского университета представителей ученого мира воюющих с Россией стран. «Война — состояние временное, а научная работа — нечто постоянное и даже вечное... — подчеркивал он. — России во время своего исторического роста и развития приходилось вести войны со многими национальностями, в том числе и с Францией, Англией, Японией, являющимися теперь союзниками» [5, с. 80].

Эти суждения выдающихся ученых не могли, однако, заметно повлиять на господствовавшие в профессорско-преподавательском сообществе шовинистические настроения.

Подобно российской буржуазии, выдвинувшей лозунг «Военная мобилизация промышленности!», профессора и преподаватели видели свой первостепенный патриотический долг в «военной мобилизации высшей школы». Под ней подразумевались, во-первых, военноподчиненные научно-технические, химические и медицинские разработки, во-вторых, идеологическое обеспечение желанной победы.

Однако на пути к этой цели возникло множество трудностей. Война резко сузила научно-преподавательскую базу высшей школы, надолго исключив из нее эвакуированные в другие города учебные заведения Варшавы, Киева, Новой Александрии. Резко снизилась научная активность оказавшихся в прифронтовой зоне Университета и Ветеринарного института в Юрьеве, Политехникума — в Риге. Существенной помехой функционированию высших учебных заведений стало использование этих зданий, и без того работавших в стесненных условиях, под военные госпитали, казармы. Снизилось и скудное финансирование научно-вспомогательной базы высших учебных заведений.

«Война 1914–1915 годов наложила тяжелую руку на развитие науки, — констатировал В. И. Вернадский. — Она отвлекла средства, шедшие на мирную культурную научную работу, на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников. Тысячи талантливых людей пали на полях битв и в лазаретах, среди них были и те, которые при отличном ходе жизни явились бы крупными учеными. Должно быть, среди них есть и такие, которые рождаются раз в поколение»** [20, с. 134].

* Военно-морские силы.

** В некрологе, посвященном одному из своих учеников В. В. Карандееву, погибшему на фронте в 1916 г., В. И. Вернадский писал: «Вечной и всегда ясной остается неизменная сила и красота жизни, полной глубоких научных изысканий и беззаветно стойкого служения, какой была вся жизнь покойного» [21, с. 278].

Наиболее сокрушительным ударом, нанесенным войной науке, В. И. Вернадский считал разрыв международных научных связей. Наука для него была «культурной организацией, малозависимой от государства и племенных рамок» [20, с. 134].

И все же с самого начала военных действий высшая школа, — а именно в ней сосредоточивался основной научный потенциал России, — была приобщена к ликвидации поразившего действующую армию кризиса боеобеспечения и офицерских кадров, а в тылу — кризиса продовольственного, топливного, транспортного. Господствовавший в профессорско-преподавательской среде взгляд на патриотический долг точно передает постановление от 18 сентября 1915 г. совета Московского университета. «Имея в виду в возможно широких размерах привлекать университетские силы к сотрудничеству в удовлетворении государственных и общественных потребностей, связанных с войной», Совет обращался к лицам и учреждениям, заведовавшим в Москве делом обороны, ухода за ранеными, устройства беженцев, снабжения населения провиантом, топливом, с просьбой «указывать, какие нужды могли бы быть удовлетворены трудом преподавателей и студентов» [22, л. 100].

Милитаризация резко изменила всю структуру научно-исследовательской деятельности университетов и инженерно-промышленных институтов. Заметно затормозились фундаментальные научные исследования теоретического характера, не имевшие прямого выхода на практику в области обороны. Эта тенденция явно проявилась в деятельности математического и физического отделений естественных факультетов университетов. По подсчетам М. Н. Покровского, количество выполненных преподавателями исследований в 1916 г. в сравнении с предшествовавшим годом упало почти на 40%. В Московском университете эта тенденция выглядела следующим образом: 1913 г. — 141 работа, 1915 и 1916 гг. — по 124; в Петроградском университете: 1913 г. — 199 работ, 1916 г. — 115. Приведенная статистика дала ему основание заключить: «Война у нас не оплодотворила „точных“ наук, как это было на Западе» [23, с. 459].

Вместе с тем, по свидетельству В. И. Вернадского, «была усилена деятельность научных организаций и отдельных ученых, направленных к защитительной технической работе против разрушительных сил войны» [20, с. 134]. На физико-математических факультетах российских университетов широкий размах приобрели исследования в области химии. Стимулом стала острейшая потребность воюющей страны в срочном развитии фармацевтической промышленности, полностью отсутствовавшей в довоенной России. В 1915 г. министр народного просвещения П. Н. Игнатьев констатировал: «Испытываемый с возникновением войны недостаток химико-фармацевтических препаратов с совершенной наглядностью показал, в какой тесной зависимости от иностранного и главным образом германского рынка находилась в данном отношении наша империя» [24, л. 3]. Еще в сентябре 1914 г. Министерство просвещения образовало из профессоров-химиков, медицины и фармакологии «Особое совещание», составившее список необходимых армии медикаментов, которые высшие учебные заведения могли бы изготовить силами студентов и лаборантов [25, л. 15, 29]. В Казани 10–16 августа 1914 г. при областном Военно-промышленном комитете прошел I Всероссийский съезд по выработке плана борьбы с «лекарственным голодом». Научные доклады прочитали профессора Казанского и Саратовского университетов [25, л. 16].

Одновременно с научно-практическими работами в области фармакологии профессора-химики форсированно разрабатывали средства против примененных Германией отравляющих газов, а также новые, более эффективные взрывчатые вещества. Работы ученых химического отделения Московского университета по этой программе завершились постройкой двух заводов: химико-фармацевтического и по

выработке химических средств борьбы [26, с. 425]. В лабораториях профессоров Казанского университета А. Я. Богородицкого и А. Е. Арбузова был осуществлен цикл исследований по созданию простейших методов защиты от отравляющих веществ. Под их же руководством был решен ряд проблем, связанных с изготовлением медикаментов. А заведующий лабораторией фармакологии В. Н. Болдырев разработал методику организации службы противохимической защиты. Этот опыт использовался и в армиях союзников России.

Физико-химическое общество Киевского университета на своем заводе хлороформа наладило под руководством профессора С. Н. Реформатского производство лекарственных препаратов. Физико-математическое общество, возглавляемое профессором Г. К. Сусловым, развернуло рентгеновские исследования в десяти военных госпиталях Киева и в больнице для чернорабочих [27, л. 5].

Военно-прикладную направленность фактически полностью приобрели медицинские факультеты российских университетов. Во-первых, их преподавательский состав был занят ускоренной подготовкой военных врачей; во-вторых, исследованиями в области военно-полевой медицины*; в-третьих, консультационной и практической работой непосредственно на фронте**; в-четвертых, организационно-медицинской деятельностью в Красном кресте и прочих военно-санитарных организациях***.

Наконец, война поставила перед профессорами и преподавателями задачу организации производства отечественного хирургического инструмента и медицинского лабораторного оборудования. Для разработки мер по ликвидации этого дефицита в Казанском университете была создана специальная комиссия во главе с профессором Н. Ф. Высоцким. Она констатировала: «До настоящей войны научно-педагогическая деятельность в наших университетах, по крайней мере на медицинском и физико-математическом факультетах, находилась в полной зависимости от различных зарубежных, главным образом, немецких фирм, от которых мы вынуждены были выписывать необходимые нам научные пособия — инструменты, приборы, посуду, химические и лекарственные вещества и т. п. за неимением их в России» [30, л. 8]. Председатель комиссии разослал по высшим медицинским школам уведомление о ее существовании и приглашения к сотрудничеству. Такое уведомление поступило и в Московский университет [31, л. 111 об.].

15 апреля 1915 г. Главный военно-ветеринарный инспектор направил директорам ветеринарных институтов письмо с предложением командировать в действующую армию в каникулярное время желающих профессоров и преподавателей для санитарного наблюдения за «гуртами порционного скота», а также для работы в «этапных ветеринарных лазаретах конского запаса». Судя по документам 1915–1916 гг. Казанского ветеринарного института, этот призыв нашел достаточно широкий отклик в среде ученых-ветеринаров (см. [32]).

* Так, например, в Томском университете в 1915 г. разрабатывались следующие темы: «К вопросу об устройстве и деятельности бактериологической лаборатории на фронте» (проф. П. П. Авроров); «Индивидуальная изоляция заразных болезней» (проф. П. Н. Лашенков); «О курсах для врачей в связи с войной» (проф. С. В. Лобанов); «Отравление удушливыми газами» (проф. Н. В. Вершинин) (см. [28]).

** Летом 1914 г. на фронт, «согласно прошению», в качестве хирурга отправился профессор Казанского университета П. С. Иконников [13, л. 173]; профессор этого же университета В. Н. Тонков в сентябре 1915 г. был откомандирован в распоряжение Военно-медицинской академии [17, л. 125]. В 1915 г. в командировках на фронтах побывали четыре профессора медицинского факультета Саратовского университета [29, с. 5].

*** В 1915 г. в распоряжение Красного креста были откомандированы три профессора Саратовского университета [29, с. 5].

В составе Одесских (с 1916 г.), Московских (с 1917 г.) высших женских курсов, Петроградского частного университета (бывший Психоневрологический институт, с 1916 г.) действовали химико-фармацевтические отделения, которые были включены в работу, смягчавшую лекарственный дефицит, испытываемый действующей армией. В учреждениях Красного креста, полевых и тыловых госпиталях работали слушательницы, выпускницы, преподаватели женских медицинских институтов и курсов.

* * *

Еще масштабнее, чем в университетах, милитаризация отражалась на научно-исследовательской деятельности инженерно-промышленных институтов, получавших субсидированные заказы от военного ведомства. Бывший директор Петроградского технологического института профессор А. А. Воронов вспоминал: «Трудные условия преподавания, которые создавались войной, усиливались еще отвлечением части профессоров и преподавательского персонала различными работами, связанными с обороной, в том числе и поездками за границу. Работами на оборону были заняты и некоторые лаборатории. Институт отводил помещения для различных требуемых военным ведомством курсов, мастерских и даже специальных лабораторий» [33, с. 191].

Инженерная высшая школа должна была в пожарном порядке ликвидировать прорехи в техническом оснащении воюющей царской армии. Отсюда широкий тематический диапазон необходимых для фронта исследований и прикладных разработок, субсидируемых военным ведомством и осуществленных ее профессорами и преподавателями в 1914–1917 гг. Показателен в этом отношении опыт Московского технического училища (МТУ). Его профессор Н. Е. Жуковский сделал в указанные годы важнейшие открытия в области самолетостроения. Руководимое им «Расчетно-испытательное бюро», созданное при училище военным ведомством, занималось решением теоретических и практических проблем воздухоплавания и динамики самолетов. Практическое применение на фронте получили работы Жуковского в области авиационного бомбометания [34, с. 188].

Приказом по Западному фронту была отмечена как «исключительно полезная» исследовательская работа профессора Н. А. Шилова по борьбе с удушливыми и ядовитыми газами. Им была создана типовая химическая лаборатория, действовавшая в зоне боевых операций. Преподаватель МТУ Ф. К. Герке составил методические руководства по теме «Удушливые газы в военном деле» и «Краткое указание о газах, примененных немцами, и способах борьбы с ними». В виде брошюр они были распространены в войсках [34, с. 192].

Кардинально изменилось направление исследований по рентгенологии, которые велись в училище. Они стали принаравливаться к потребностям медицины для создания передвижной и стационарной рентгеновской аппаратуры [34, с. 149–151]. Политехническое общество при МТУ координировало работу ученых и инженеров-практиков по проблеме ликвидации топливного кризиса, который в 1915 г. поразил Россию [34, с. 260].

Оборонно-исследовательская деятельность профессоров и преподавателей Петроградского технологического института преимущественно определялась заданиями главного артиллерийского управления. Радиотелеграфные приборы, электрические заграждения, самолетостроение, рентгеновская аппаратура, производство медикаментов — таков круг исследовательских проблем и экспериментальных работ, составлявших оборонную программу Петроградского политехнического института [35, с. 78–81].

За годы войны существенно расширилась экспериментально-производственная база инженерно-промышленных институтов, которая в значительной степени утратила свое учебное назначение, поскольку условиями военного времени была сориентирована в первую очередь на разработку и изготовление оборонных проектов. Фактически она превратилась в ряд мелких, руково­димых преподавателями, промышленных предприятий по производству снарядов (Петроградский технологический институт), магнето, взрывателей, микротелефонных аппаратов (Поли­технический и Электротехнический институты в Петрограде) и т. д.

И, наконец, получила развитие еще одна область применения научных знаний и педагогического опыта профессоров и преподавателей инженерных институтов — это привлечение их к педагогической работе на краткосрочных военных курсах и школах (радиотехнические, авиационные, по механической части кораблей и многие другие).

* * *

Годы войны для профессорско-преподавательского состава России были не только временем служения неотложным оборонно-государственным целям. Это одновременно были и годы дальнейшего прогресса русской науки, осознания ведущими профессорами места науки в обществе. Война продемонстрировала силу науки, притом не только разрушительную, но и созидательную. Поэтому наука, как никогда раньше, в послевоенное время предстала перед наиболее прозорливыми членами ученого корпуса могучим фактором общественно-экономического, культурного и политического развития страны.

Уже в годы войны в среде профессуры начинают выдвигаться научные проекты, рассчитанные на долгосрочную перспективу. К таковым, например, можно отнести работы профессора географии Московского университета Д. Н. Анучина о значении Белого моря как единственного безопасного пути между воюющей Россией и Западной Европой. Он доказал необходимость превратить Александровск (Мурманск) в главный базовый порт на этом пути, расположенный в незамерзающей гавани, и провести к нему ширококолейную железную дорогу [36, с. 281].

Еще более впечатляющей была программа Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданной в 1915 г. по инициативе В. И. Вернадского и им возглавляемой [37, с. 205–208]. Она объединяла крупнейших ученых России (в большинстве преподавателей высшей школы), и главной ее целью была организация в масштабе всей страны всеобъемлющего учета природных ресурсов. Комиссия стала центром, координировавшим деятельность всех отечественных научных учреждений, как государственных, так и общественных. Только в 1916 г. КЕПС организовала 14 экспедиций, множество совещаний по актуальным проблемам разведки и использования полезных ископаемых, географии, статистики, скотоводства, рыбного хозяйства, а также начала подготовку многотомного труда «Естественные производительные силы России» и других своих изданий.

В. И. Вернадский утверждал, что наладить истощенное войной хозяйство можно только путем интенсивного использования «производительных сил, подъема народного творчества». Залогом этого он считал не только «капитал, хорошее государственное устройство, свободу народной жизни», но и «расцвет научного творчества», а «мобилизацию научных сил», «широкую организацию научной работы» ставил в один ряд с «просветительными», экономическими, политическими реформами [38, с. 55]. Изучение природы, сеть новых лабораторий, музеев, научно-исследовательских институтов не менее необходимы, чем «улучшение условий

нашей гражданской и политической жизни», — утверждал ученый [20, с. 140]. Повышение эффективности науки В. И. Вернадский связывал с усовершенствованием ее организационных форм, подчеркивая «невозможность и невыгодность соединения всей научно-исследовательской работы с современной высшей школой», поскольку она не может осуществляться без ущерба педагогическому процессу. Он ратовал за создание в России сети специальных научно-исследовательских институтов [39, с. 31], субсидируемых государством, но свободных в своей деятельности от государственных регламентаций [40, с. 157–158].

В. И. Вернадский считал науку важнейшим фактором культурного и хозяйственного освоения необъятных территорий азиатской части России посредством развития там научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. «В этом отношении, — писал он, — наша государственная политика была удивительно близорука, ...антинациональна». Красноречивым примером тому были, по его мнению, государственные помехи открытию высшего учебного заведения на Кавказе [40, с. 153].

Наука для В. И. Вернадского была и фактором единства России, которое пока поддерживается «грубой силой и насильственной русификацией». «Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, изучению родиноведения отдельных областей страны. Все эти стремления должны из области центробежных сил, какими они теперь являются, перейти тем самым в область сил, сливающих государственное единство», — подчеркивал ученый-естествоиспытатель [40, с. 157].

О науке как средстве кардинального улучшения общественного быта, о ее созидательно-политической функции много писал в 1914–1917 гг. К. А. Тимирязев. Результатом этого творчества стала его знаменитая книга «Наука и демократия», впервые опубликованная в 1920 г. Предсказывая превращение науки в мощную производительную силу, он связывал этот процесс с демократизацией всего общества: «Наука должна прийти на помощь труду для того, чтобы при содействии знания сделать его более производительным, а в свою очередь для того, чтобы, опираясь на сознательную поддержку демократии, стать свободной от унижительной опеки недемократических правительств и далеко не всегда просвещенного мещанства капитала» [цит. по: 19, с. 377].

В науке и демократии выдающийся ученый видел силу, враждебную войне, поскольку «стихия» последней — «ложь», а науки — «истина». Он писал: «Война зарождается во лжи и протекает в ее атмосфере: недаром первым ее условием является торжество цензуры. Основа реальной научной этики — социальное чувство, принцип “наибольшего блага, наибольшего числа”» [19, с. 384–385].

В размышлениях В. И. Вернадского и К. А. Тимирязева о судьбах отечественной науки сквозило предчувствие глубоких структурных перемен, которыми была чревата российская жизнь времен первой мировой войны.

* * *

Менее зримую печать война наложила на научную деятельность гуманитарных высших учебных заведений, в первую очередь историко-филологических и юридических факультетов российских университетов. Профессора и преподаватели гуманитарных высших учебных заведений неизмеримо меньше своих коллег, занимавшихся естественными и инженерно-техническими науками, были втянуты в «военную мобилизацию» высшей школы. Более того, значительное сокращение студенческого контингента, в результате призывов на фронт, снизило их учебную нагрузку, прибавив соответственно время на научную работу. Так, по данным

М. Н. Покровского, на историко-филологическом факультете Московского университета в 1913 г. было выполнено 79 научных работ, а в 1916 г. — 115, что позволило ему сделать вывод о «процветании истории и филологии» в военную пору [23, с. 459].

В целом мало изменив в связи с войной проблематику своих научных изысканий, профессора-гуманитарии все же вносили свой вклад в «дело победы» России. Он выражался в посвященных военной теме исследованиях по истории, политологии, политэкономии*, публицистической кампании в газетах и журналах [42], публичных лекциях**, музейной работе***, деятельности обществ, агитировавших за помощь фронту, действовавших при высших учебных заведениях****.

Военно-патриотическое направление в творчестве ученых-гуманитариев, профессоров и преподавателей реализовывалось в следующей проблематике: исследование причин и характера первой мировой войны, изучение международного положения воюющих стран, текущих военных событий, состояния экономики и ее послевоенного будущего. Свой обличительный пафос российская профессура обрушивала не только на немецкий военно-промышленный комплекс с его имперскими устремлениями, но и на весь германский народ. «За то, что произошло в связи с объявлением войны в Германии ответственна вся нация в целом, вся ее культура, весь ее быт», — утверждал профессор Э. Д. Гримм [47, с. 79].

Русская профессура пыталась обосновать историческую предопределенность агрессивности германцев, изыскивая ее корни в событиях и настроениях времен реформации (XVI в.), войн Германии XVIII–XIX вв. «В германской культуре про-

* Так, например, в 1915 г. на историко-филологическом факультете Московского университета разрабатывались следующие темы: «Война и мир ислама»; «Англо-русское сближение»; «Английское общественное мнение о войне» — проф. А. Н. Савин. На юридическом факультете: «Проливы России и Константинополь»; «Балканские тревоги»; «Война и германская политика» — проф. С. А. Котляревский». «Панамский канал, падение хлебных цен, война и наши торговые договоры»; «Война, германские синдикаты, русский экспорт и экономическое изолирование Германии»; «Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть колонией Германии»; «Немецкое иго и освободительная война» — проф. И. М. Гольдштейн. «Идея парламентаризма и германская политика» — проф. М. С. Фельдштейн и др. [41]. Профессора и преподаватели историко-филологического факультета Петроградского университета в 1915 г. участвовали в сборниках статей: «Немецкое зло», «Великая война», «История великой войны», «Вопросы мировой войны» (В. А. Бутенко, И. А. Шляпкин, С. И. Гессен); юридический факультет подготовил цикл статей по военно-экономической и военно-правовой проблематике в журналах: «Вестник финансов», «Новый экономист», «Известия центрального военно-промышленного комитета», «Право», «Промышленность и торговля», «Юридический вестник» (П. Л. Мигулин, А. А. Пиленко, И. М. Кулишер, Ф. А. Мельников и другие).

** В 1915 г. профессора и преподаватели Московского университета читали, например, следующие лекции: «Старая и новая Германия» (Р. Г. Виппер); «Война за цивилизацию и право» (А. И. Покровский); «Военный плен и международное право» (А. Л. Байков); «Духовный смысл войны» (И. А. Ильин) и др [41, с. 205–210]. Петербургский университет в 1915 г. организовал следующие лекции: «Идея нации» (С. И. Гессен); «Война и биология» (А. Г. Генкель); «Война и право» (П. И. Люблинский) [43, с. 71, 92, 117]. Профессор Казанской духовной академии по кафедре гражданской русской истории священник Н. Н. Писарев выступил в актовом зале местного университета с публичной лекцией «К вопросу о причинах и задачах современной международной войны» [44, л. 69].

*** В 1915 г. Общество истории и этнографии Казанского университета открыло Музей современной войны [45, с. 160].

**** В 1915 г. жены профессоров и преподавателей Новороссийского университета организовали «Комитет университетских дам» в «помощь фронту» [46, с. 75].

шлого и настоящего есть немало образцов этого высокомерного и вообще недолжного отношения к другим народностям и культурам», — говорил профессор всеобщей истории Е. Н. Трубецкой [48, с. 94]. Напластования реваншистских идей обнаруживались русскими историками в немецкой историографии (см. напр. [49]), где автор утверждал, что нигде агрессивность Германии «не проявляется так ясно, так рельефно, как в немецкой исторической науке» [49, с. 25] и географической литературе (см. напр. [50]), где автор показал, насколько захватнические прогнозы немецких географов реализовались в текущей войне.

Придавая имперской идеологии германской буржуазии и юнкерства общенациональный, надклассовый характер, российская профессура целенаправленно формировала литературный стереотип среднестатистического германца — «высокомерно-самодовольного шовиниста», одержимого культом «бронированного кулака», презрением к национальным интересам других народов.

Конечно, эта социологическая схема не соответствовала реальной действительности. Даже в самом начале войны далеко не все немцы были охвачены ненавистью к России. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания профессора Н. И. Кареева о своем вынужденном пребывании в Германии в первые дни после начала войны. «Население Дрездена держало себя гораздо корректней прессы. В конце своего здесь пребывания мы уже не так боялись говорить на улицах по-русски, покупали в лавках, ходили в кофейни и т. п. ... Люди проходили равнодушно, когда мы несколько забывались и говорили на русском языке», — писал он [51, с. 93].

Россия, напротив, представлялась профессуре «оплотом свободы Европы от великой Германии» [8, с. 271]. Однако трактовка конечной цели этой освободительной миссии имела свои оттенки. А. С. Изгоев, например, видел в России «центр и мощь славянства» [52, с. 161]. Е. Н. Трубецкой, наоборот, «славянофильские формулы времен турецких войн» считал не соответствовавшими историческому моменту. России он предназначал «сверхнациональную, универсальную» задачу «политического возрождения всех поработанных национальностей». Их будущее профессор видел в том, чтобы играть роль «сторожевых постов против Германии». «Задача всеобщего освобождения народов может быть разрешена через нашу победу, через такую победу, которая отдаст в наши руки мировую гегемонию», — подчеркивал он [48, с. 91].

Эти откровения, независимо от различавших их нюансов, были созвучны внешнеполитическим устремлениям российской буржуазии как самого заинтересованного в войне класса российского общества.

Были среди профессоров и такие, кто в этой заинтересованности не видел ничего противоестественного, поскольку считали войну выгодной в экономическом отношении для России. В 1916 г., когда страна была охвачена острейшим продовольственным кризисом, а большая часть населения хронически голодала, профессор-экономист В. Э. Дэн утверждал, что за исключением «немногочисленных» слоев (служащие, пенсионеры, «мелкие рантье»), все категории российских подданных благоденствуют. К последним он отнес наживавшихся на «резком вздорожании продуктов» помещиков и крестьян, понимая под последними, конечно, кулаков, а не всю массу окончательно разоренного войной сельского населения. К благоденствующим он справедливо отнес и промышленников, переживавших «золотое время» баснословных барышей от военных заказов. Но рядом с ними поставил «многие слои рабочих», которые из-за «резкого повышения заработной платы» жили «богаче, чем прежде» [53, с. 7]. Под ними автор подразумевал работавших на предприятиях, прямо или косвенно выполнявших военные заказы.

Конечно, не все профессора-экономисты столь определенно отождествляли

классовые интересы тех, кто наживался на войне, и тех, кто за эти дивиденды расплачивался кровью на фронте и лишениями в тылу. Пожалуй, типичнее было осознание катастрофичности внутризкономической ситуации, в которой оказалась Россия, несшая непосильное бремя военных расходов. Отсюда — поиск срочных паллиативных средств стабилизации положения, чреватого революционным взрывом. Наиболее надежным средством такого рода профессора А. С. Посников и Л. Н. Яснопольский считали подоходный налог, к платежу которого были бы привлечены «имущественно более сильные разряды населения, участвовавшие в несении податного бремени весьма недостаточно» [54, с. 383]. Они полагали, что этот налог позволит укрепить потрясенную финансовую систему и после войны («даже в случае военного успеха») [55, с. 23].

Патриотическая деятельность профессоров и преподавателей, помимо научной сферы, находила выход и в оборонно-организационных мероприятиях. Их экспертными услугами широко пользовались правительственные учреждения, занятые материальным обеспечением фронта и тыла, — особые совещания по обороне (С. Ф. Ольденбург — Петербургский университет), по перевозкам (Е. Л. Зубашев — Томский технологический институт), по продовольствию и др. [56, стб. 151–152]. Профессор Казанского университета А. Е. Арбузов председательствовал в Межведомственной комиссии по изысканию средств против удушливых газов.

Теснейшим был контакт ученого корпуса с Центральным военно-промышленным комитетом — представительной общественной организацией торгово-промышленной буржуазии*. 5 сентября 1915 г. совет Московского университета обратился к местному Военно-промышленному комитету с предложением сотрудничества. В ответном послании комитет пригласил университетских преподавателей участвовать в качестве консультантов в работе своих отделов и секций и особенно отдела изобретений, организованного профессором А. Е. Чичибабиным [57, л. 34]. О том, что последнее пожелание выполнялось, свидетельствует направленное в Комитет 14 июля 1916 г. уведомление ректора М. К. Любавского, что в «Совещании по вопросам изобретений в связи с требованиями обороны» будут присутствовать профессор А. Н. Настюков и приват-доцент Е. И. Шпитальский.

В центральном аппарате Военно-промышленного комитета работали приват-доценты юридического факультета Петроградского университета — И. И. Левин (продовольственный отдел), Б. С. Мартынов (юридическая комиссия), М. А. Сиринов (редактор «Известий Центрального военно-промышленного комитета») [43, с. 116, 117, 120]. Профессор А. Д. Гольдгаммер представлял Казанский университет в местном отделении Военно-промышленного комитета [17, л. 116 об.]. Будучи деканом физико-математического факультета, он предоставил «во временное пользование» учреждениям по производству вооружений необходимое оборудование. Химическую секцию в комитете по разработке средств борьбы с удушливыми газами возглавлял профессор физико-математического факультета А. Я. Богородский.

Сопричастны были академические круги и к деятельности таких представительных организаций, как Союз городов и Земский союз помощи больным и раненым. Товарищем председателя юридического отдела Союза городов был упоминавшийся выше П. И. Люблинский [43, с. 117].

Российская профессура деятельно участвовала и во всевозможных благотворительных общественных предприятиях. Совет Петроградского университета 29 июля 1914 г. постановил, что каждый профессор будет отчислять 3% своего со-

* Комитет был создан для распределения военных заказов, контроля за их исполнением, снабжения предприятий сырьем, организации перевозок продукции.

держания в Красный крест и помощь семьям «запасных». Он также призвал приват-доцентов и служащих Университета последовать этому примеру [5, с. 75]. На том же заседании было принято решение о ежемесячном отчислении из бюджета Университета в фонд создания этапного лазарета имени Петроградских высших учебных заведений, стационарного лазарета ведомства Министерства народного просвещения (в помещении Женского медицинского института), а также лазарета для лечения нервных и психических заболеваний (в помещении Университета) [5, с. 83].

25 июля 1914 г. совет Московского университета постановил открыть клинику для раненых и больных воинов. Ввиду призыва некоторых ассистентов и ординаторов на военную службу и учитывая большой наплыв раненых, совет просил приват-доцентов медицинского факультета «взять на себя обязанность по лечению больных» [22, л. 9].

14 октября того же года среди жен профессоров и служащих университета возникла идея создания «собственного» университетского лазарета. Для этого университет выделил помещение и ассигнования. По предложению профессора Д. Н. Зернова, его коллеги по совету обязались делать ежемесячный взнос из личных средств [58, л. 25]. Профессора и преподаватели Казанской духовной академии из своих заработков делали отчисления на содержание лазарета им. преподобного Серафима Саровского, созданного на базе русских духовно-учебных заведений*. Попечительный комитет Казанских высших женских курсов ассигновал 2 тыс. рублей на содержание лазарета для раненых воинов [59, л. 57]. 1–3% своего заработка ежемесячно жертвовали на содержание лазарета преподаватели и обслуживающий персонал Казанского ветеринарного института. Сверх того, они делали денежные взносы в фонд Казанского красного креста [60, л. 18].

Профессор Московского университета С. В. Бахрушин участвовал в деятельности «Московского попечительства о бедных в связи с войной», в благотворительных акциях Московского городского управления, в организации помощи беженцам [41, с. 207]. Приват-доцент А. Г. Генкель (Петроградский университет) председательствовал в студенческом кружке помощи жертвам войны. Летом 1915 г. он выезжал на фронт для организации окопным рабочим студенческих питательных пунктов, учрежденных при содействии Всероссийского союза городов. Приват-доцент П. П. Гронский (Петроградский университет) был уполномоченным Комитета Государственной думы помощи больным и раненым воинам. Он же заведовал первым этапным лазаретом Государственной думы [43, с. 92, 113].

В Казани по инициативе и при активнейшем участии профессоров и преподавателей местных высших учебных заведений возникли и действовали такие филантропические организации, как Университетский комитет для оказания помощи беженцам [61, л. 3–7 об.], педагогические комиссии помощи детям лиц, принимавших участие во Второй Отечественной войне**, общество младших преподавателей Казанского университета «Помощь армии» [63, л. 14], Всероссийское общество памяти воинов русской армии, павших в войну 1914–1916 гг. с Германией, Австрией и Турцией [64, л. 3 об.].

Обстановка бескорыстного патриотизма, господствовавшая в профессорско-преподавательской среде, порой нарушалась рецидивами оборонно-капиталистического предпринимательства. Так, приват-доцент юридического факультета

* Лазарет был создан в августе 1914 г. по предложению ректора Петербургской духовной академии [44, л. 47].

** Такие комиссии были созданы при Казанском университете, Ветеринарном институте, Духовной академии, Высших женских курсах [62, л. 8].

Казанского университета А. М. Завадский получил через Военно-промышленный комитет выгодный подряд на изготовление 100 тыс. гранат, который с большой выгодой для себя намеревался выполнить, используя дешевый труд студентов. Молодежь решительно отказалась участвовать в этом предприятии. По свидетельству универсанта И. Волкова, «указания Завадского на идейность работы, бескорыстное желание его служить государству не производили на студентов впечатления» [65, с. 273–274]. Однако подрядчику удалось найти еще более дешевую рабочую силу — военнопленных.

В целом можно заключить, что в истории царской России научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского корпуса, наука, ее практические результаты никогда ранее не соединялись столь тесно с каждодневными потребностями государства.

Профессура была фактически единодушна в уверенности, что поражение в войне чревато революцией, которая для них была равнозначна апокалиптическому взрыву «первобытных инстинктов, дремлющих в человеке» [47, с. 81]. «Нельзя строить будущее на борьбе народов, на борьбе классов», — утверждал профессор Э. Д. Гримм [47, с. 92]. Такая перспектива пугала и либеральную, и правую профессуру, заставляя ее еще дружнее работать на победу. Более того, в академической среде было отнюдь не мало тех, кто, осознавая бесчеловечность войны, смотрел на нее как на фактор, консолидировавший «здоровые силы» общества против зреющего революционного конфликта. К таковым, например, относился В. М. Бехтерев. Война, подчеркивал он, застигла Россию «в момент раздробления ее общественных сил на племенные, политические и социально-экономические группы, внутри которых также не имелось единства». Военное столкновение с Германией пробудило «парализованную до тех пор народную энергию и дало мощный толчок общественной жизни» с ее новыми моральными ценностями в виде стремления общественных кругов «к объединению с властью для достойного завершения войны», сплочения всех народов империи пред лицом грозной опасности, сглаживания «вероисповедальной розни», повышения общественной и личностной значимости человеческой жизни [4, с. 4–5].

Однако война лишь на короткое время затушевала, но не изгладила экономических противоречий между консерваторами и либералами в профессорском корпусе. И в водовороте событий военной поры профессура не упускала из своего политического зрения проблемы послевоенного будущего России, связывая с победой над Германией достижение своих государственных идеалов: консерваторы — незыблемость самодержавия, либералы — широкие конституционные уступки с его стороны.

Вместе с тем идеалы государственного устройства России предопределяли характер взаимоотношений и консерваторов, и либералов с царским правительством. Эту плоскость умонастроений правой профессуры точно выявляют дневниковые записи профессора Московского университета видного историка М. М. Богословского.

11 ноября 1916 г. он написал: «Я предпочитаю сильную власть монарха, стоящего над партиями». Свой гражданский долг перед властью автор дневника видел в том, чтобы «ей повиноваться, а не бороться с ней» (из записи 14 декабря 1916 г.) (цит. по: [66, с. 245]). И консервативно настроенная профессура всячески пыталась укрепить расшатываемый войной и разрухой авторитет власти самодержца.

В 1915 г. ректор Московского университета историк М. К. Любавский и декан историко-филологического факультета университета в Юрьеве М. Н. Крашенинников выступили с инициативой перед профессорами русской истории устроить

чествование Николая II. Специальный комитет разработал план торжества и возбудил ходатайство о созыве раз в пятилетие русских исторических съездов имени императора Николая II как покровителя отечественной истории. Первый такой съезд было намечено провести в 1919 г. в Москве [26, с. 379].

Иной была доктрина взаимодействия с государственной властью у либерального большинства профессуры. Она полностью согласовывалась с политической тактикой кадетской и октябристской партий, которые рассчитывали, что война сплотит власть и общественность, упразднит отчуждение между ними. Демонстрируя свою солидарность с правительством, они выдвинули тактику «внутреннего мира» [67, с. 547–564], суть которой полнокровно выражена в воззвании ЦК партии конституционных демократов, обнародованном 20 июля 1914 г. В воззвании говорилось: «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия»* [68, с. 242].

Оппозиционно настроенная профессура полагала, что царское правительство оплатит этот ответственный политический маневр либерального лагеря ценой передачи под контроль общественности таких своих безраздельных функций, как дипломатические отношения, общестратегические планы, связанные с целями войны, пути сообщения, «экономическое и правовое устройство тыла», снабжение фронта.

Однако неуступчивость царизма, его усиливавшаяся враждебность к любым проявлениям либерального инакомыслия разрушала надежды на общественно-правительственную консолидацию перед лицом внешней опасности.

Это, а также военные поражения России, усугубление день ото дня ее тяжелого экономического положения, политический кризис самодержавия, боязнь собственной политической изоляции заставили либералов уже в мае 1915 г. отказаться от «внутреннего мира» и объединиться в «прогрессивный блок» с партиями центра и частью националистов в Государственной думе. В Государственном совете немалая роль в «блоке» принадлежала академической группе, состоявшей из представителей высшей школы [67, с. 563–564].

Смена либералами политической тактики не замедлила сказаться на ситуации внутри профессорско-преподавательского корпуса. Вновь обострилась распря между консервативной и либеральной его частями по академическим вопросам. Замена в конце декабря 1916 г. либерального министра П. Н. Игнатьева распутинцем Н. К. Кульчицким, немедленно остановившим прогрессивные начинания своего предшественника, открыла критику профессурой правительственного академического курса.

Перемены в тактике политической оппозиции самодержавию, частью которой была и либеральная профессура, не поколебали ее государственного идеала. Конституционная монархия оставалась единственным ее ориентиром послевоенного политического будущего России. В академической среде, грезившей идеей правительственного «прогрессивного блока» оппозиционных сил, зрело убеждение, что только по английскому образцу составленное правительство могло привести Россию к победе, спасти монархию, предотвратить революцию.

* Кадетская партия не сразу заняла такую позицию. Ее лидер П. Н. Милюков в газете «Речь» от 12 июля 1914 г. писал о том, что «чудовищное озлобление рабочих и активизация большевиков создали внутри России такую напряженную обстановку, которая глубоко не соответствует внезапным международным осложнениям». Он призывал Сербию к любым уступкам ради сохранения мира. Это и прочие подобные заявления Милюкова привели к тому, что 19 июля, т. е. в день объявления войны, «Речь» была закрыта. И только цитируемый выше манифест ЦК партии кадетов прекратил ее конфликт с царским правительством. Подобные колебания испытали и октябристские лидеры.

Судьбу послевоенной России академические либералы непременно связывали с «новым мировым порядком», олицетворяемым союзом европейских государств, включая и демилитаризованную Германию, который зиждился бы на «идеалах права и свободы», всеобщего разоружения, ибо «вооруженный мир уже есть начало войны» [4, с. 19–20]. Они были уверены, что вслед за победой над Германией в стране наступит «широкое пробуждение производительных сил», которое позволит ей сравнительно скоро залечить военные раны и уверенно двинуться по капиталистическому пути [53, с. 7].

Будущее им представлялось демократическим строем собственников, который основывался бы на «высших этических нормах бытия» [47, с. 92]. «Если нормальное развитие народной жизни исключает возможность революций, то очевидно, что и правильное установление и развитие международных отношений должно устранить возможность возникновения военных действий между народами», — оптимистически размышлял В. М. Бехтерев [4, с. 20].

За частоколом понятийной атрибутики либерально-буржуазной социологии явственно проступала схема буржуазной демократии. Февральская революция сделала ее явью, но без монархической надстройки, как предполагало либеральное большинство профессорско-преподавательского состава российской высшей школы. Оно безоговорочно солидаризировалось с намерением Временного правительства не выводить Россию из войны. В телеграмме от 28 апреля 1917 г. Совет Казанского ветеринарного института выражал уверенность, что «только полнота и твердость власти правительства сможет вывести страну из настоящего положения для победоносного конца борьбы с внешним врагом и свободного и плодотворного развития» [69, л. 36]. В марте–апреле 1917 г. такие же постановления приняли профессорско-преподавательские коллегии всех без исключения российских высших учебных заведений. Своё стремление к победе академический корпус продемонстрировал дружным участием в подписке на «Заем свободы», выпущенный Временным правительством.

* * *

«Вторая Отечественная война» получила глубокий отзыв в исторической судьбе ученого сословия царской России, резко повысив его общественный статус. Знания, педагогический опыт профессоров и преподавателей высшей школы обрели иную, нежели в мирное время, ценностную значимость. Кардинально изменился сам характер их повседневной деятельности, которая утратила чисто академическую направленность и тесно сомкнулась с повседневными оборонными, социально-экономическими и идеологическими нуждами воюющего государства. Это привело и к изменению культуросозидающей миссии высшей школы в целом. Из научно-просвещающего центра она превратилась в важную часть оборонного потенциала Российской Империи.

Война упразднила традиционную корпоративную отчужденность людей науки от текущих интересов и практики капиталистического предпринимательства, с одной стороны, и усилила тягу российской буржуазии к союзу с наукой и ее деятелями — с другой. Либеральное большинство ученого корпуса, объективно выражавшее интересы буржуазного развития России, фактически интегрировалось в класс буржуазии, составив его интеллектуальный авангард.

Война оставила неизгладимую печать на политической культуре либеральной профессуры, полностью исчерпав политический кредит не только самодержавия как государственной системы, но и монархии как возможной надстройки конституционного управления Россией. Осознание этого факта перевело стрелку государственного идеала либеральной профессуры с конституционной монархии на буржуазный республиканизм.

Литература

1. *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
2. *Иванов А. Е.* Российские университеты и русско-японская война // Проблемы отечественной истории. Сб. статей. Ч. 1. М., 1973.
3. *Иванов А. Е.* Эхо Японской кампании в университетах Российской империи // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сб. научных статей. Вып. 3. Воронеж, 1998.
4. *Бехтерев В. М.* Моральные итоги великой мировой войны. Речь на торжественном заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г. Пг., 1915.
5. Протоколы заседания Совета Имп. Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916.
6. Центральный государственный исторический архив г. Москвы. (далее — ЦГИАМ) Ф. 459. Канцелярия попечителя. Оп. 2. Д. 5722.
7. *Струве П. Б.* Несколько слов о патриотических адресах // Освобождение. 1904. 28 апреля.
8. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981.
9. *Ключевский В. О.* Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
10. *Бехтерев В. М.* Вильгельм — дегенерат нероновского типа. М., 1916.
11. *Иванов А. Е.* «Вильгельм — дегенерат нероновского типа» // Родина. 1993. № 8–9.
12. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 735.
13. Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 1277.
14. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 747.
15. *Хохлов М.* Из венских воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 12.
16. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 737.
17. НАРТ. Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 12907.
18. *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1957.
19. *Тимирязев К. А.* Наука, демократия и мир (Старческие мечтания) // Наука и демократия. М., 1983.
20. *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки // Очерки и речи академика В. И. Вернадского. Пг., 1922.
21. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981.
22. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 746.
23. *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 4. Лекции, статьи, речи. М., 1967.
24. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 631.
25. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924.
26. История Московского университета. Т. 1. М., 1955.
27. РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 170.
28. *Зайченко П. А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева // Очерки по истории первого Сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960.
29. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Николаевского университета за 1915 г. Саратов, 1915.
30. НАРТ. Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 13128.
31. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 421. Д. 253.
32. НАРТ. Ф. 534. Ветеринарный институт. Оп. 1. Д. 817.
33. Технологический институт им. Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Т. 1. Л., 1927.
34. *Прокофьев В. И.* Московское высшее техническое училище. М., 1955.
35. Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. № 190. История института. Л., 1957.
36. *Карпов Г. В.* Путь ученого. Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д. Н. Анучина. М., 1958.
37. *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М., 1982.

38. *Вернадский В. И.* Об использовании химических элементов в России // Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. Пг., 1922.
39. *Вернадский В. И.* Об изучении естественных производительных сил России // Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. Пг., 1922.
40. *Вернадский В. И.* Задачи науки в связи с государственной политикой России // Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. Пг., 1922.
41. Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1915 г. Ч. 1. М., 1916.
42. *Виткин Н. Я.* Указатель содержания девяти русских дореволюционных журналов 1911–1918 гг. М., (б. г.). (Машинопись — хранится в Научном кабинете Института Российской истории РАН.)
43. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Петроградского университета за 1915 г. Пг., 1916.
44. НАРТ. Ф. 10. Духовная академия. Оп. 1. Д. 11243.
45. Русская мысль. 1915. № 4.
46. Одесский университет за 75 лет. Одесса, 1940.
47. *Гримм Э. Д.* Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9.
48. *Трубецкой Е. Н.* Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.
49. *Бузескул В. П.* Современная Германия и немецкая историческая наука. Идеология реваншизма // Русская мысль. 1915. № 2.
50. *Анучин Д. Н.* Предположение и действительность // Русские ведомости. 1914. № 190.
51. *Кареев Н. И.* В недавнем плену у немцев // Русские записки. 1914. № 1.
52. *Изгоев А. С.* На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8–9.
53. *Дэн В. Э.* Богатеет ли Россия от войны // Русская мысль. 1916. № 6.
54. *Посников А. С.* Подоходный налог и военный сбор // Вестник Европы. 1914. № 1.
55. *Яснопольский Л. Н.* Военная налоговая реформа // Русская мысль. 1915. № 2.
56. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Пг., 1915.
57. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 766.
58. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 585.
59. НАРТ. Ф. 131. Казанские высшие женские курсы. Оп. 1. Д. 141.
60. НАРТ. Ф. 534. Ветеринарный институт. Оп. 1. Д. 496.
61. НАРТ. Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 13076.
62. НАРТ. Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 13240.
63. НАРТ. Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 13179.
64. НАРТ. Ф. 977. Совет Казанского университета. Д. 13140.
65. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т. II.
66. *Черепнин Л. В.* Академик М. М. Богословский // Исторические записки. 1974. № 93.
67. Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984.
68. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915.
69. НАРТ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 547.